

Глава 100. Суд Круглого стола

Ли Цзяньчуань стремительно сопоставлял все странности и необъяснимые детали, возникшие с самого начала этого раунда.

— Для меня нынешний Суд сосредоточен исключительно на самоубийстве Джонса, — произнес он. — Однако этот этап разительно отличается от трех предыдущих.

— Во-первых, задание Круглого стола: «Перерезать горло сове». Опираясь на опыт прошлых испытаний, я полагаю, это означает: «Убийца перерезал горло сове». «Сова» — это жертва, но не обязательно та, которую мы видим на поверхности. Скорее, это невинно убиенный, чья смерть стала ключом к истине.

— В этом деле роль жертвы больше всего подходит Джонсу. Причина его смерти — вскрытые вены, но горло порезано ножом, который он затем проглотил.

— Во-вторых, Круглый стол заставил троих оставшихся игроков выбрать шахматные фигуры в качестве ключей к Вратам Суда. В прошлых раундах фигуры были не просто пропусками, а важнейшими уликами, указывающими на суть дела. Значит, и в этом раунде шахматы — ключ к разгадке.

— И последнее отличие: войдя в эти Врата, я не получил ни особых правил, ни конкретных условий для прохождения. Мне не ограничили время, не указали, какую именно тайну нужно раскрыть, чтобы выйти... Ничего.

— Это может означать две вещи. Либо сложность возросла настолько, что игроки должны нащупать и вопросы, и ответы самостоятельно, либо всё происходящее здесь — реально. Мы не в симуляции, которую можно завершить, разгадав простенькую загадку и вернувшись к Круглому столу.

— Сейчас я склоняюсь ко второму варианту. Эти три момента подтверждают: текущий раунд уникален. Я бы даже сказал, он исполнен особого, скрытого смысла.

Говоря это, Ли Цзяньчуань мельком взглянул на Зака. Тот больше не ухмылялся — его лицо посуровело, брови сошлись на переносице. Казалось, слова Ли пробудили в нем какие-то тяжелые воспоминания, а во взгляде промелькнуло нечто темное и нечитаемое.

Ли Цзяньчуань приподнял веки и, обведя присутствующих ленивым взором, усмехнулся:

— Разумеется, помимо этих странностей, улик в самом деле крайне мало.

— Оказавшись по ту сторону Врат, я появился под самым потолком этой комнаты. Можете взглянуть сами: за тем маленьким железным окошком скрыт узкий, бесконечный лаз. В нем

вполне может поместиться взрослый мужчина, если будет ползти, свернувшись в три погибели — проход там гораздо шире, чем оконная рама. Стены лаза покрыты влажным мхом и ржавчиной, но на них отчетливо виден след, оставленный чем-то скользящим.

— Осмотрев проход, я спустился сюда. Здесь всё выглядело почти так же, как сейчас: магический круг на полу, начертанный кровью, и гнетущая атмосфера. В самом центре круга лежал Джонс. Кровь на его запястьях уже начала подсыхать. Дверь была заперта изнутри, а в вентиляционном лазу, кроме моих, не было никаких следов человеческой активности. Классическая «запертая комната».

— Осмотрев тело, я обнаружил порезы во рту и в горле, а в животе прощупывалось нечто твердое. Тогда я решил, что Джонс, вскрыв вены, не умер мгновенно. Сначала он использовал собственную кровь, чтобы начертить этот причудливый узор, а затем проглотил нож и скончался.

— Я не успел закончить осмотр, когда появились Раймонд и Юри. Они примчались в салон ни свет ни заря, потому что мисс Юри якобы потеряла отца. Она утверждала, что Джонс не вернулся домой ночевать, и была крайне обеспокоена.

— Вот только позже я побывал в доме Джонса. Там нет ни одной вещи, принадлежащей его дочери. Они не жили вместе. На домашнем телефоне покойного не было ни одного пропущенного вызова от неё. Соседи и таксисты в один голос твердят: отношения между ними были хуже некуда. Юри считала отца скупым лицемером, который скорее отдаст деньги на благотворительность, чем ей. Каждая их встреча заканчивалась безобразным скандалом.

— И как в таком случае Юри узнала, что мистер Джонс не ночевал дома? И почему она сразу, без тени сомнения, прибежала именно в этот салон? Это вызывает у меня большие сомнения.

Ли Цзяньчуань с силой прикусил соломинку, издав едва слышный звук.

— Когда Раймонд и мисс Юри вошли в комнату, она держалась за его спиной. Стоя на пороге, девушка сразу же закричала: «Он мертв!» Но с такого расстояния, учитывая, что голова Джонса была отвернута, а порезанное запястье скрыто телом, как она могла мгновенно понять, что он мертв? Она даже не подошла, чтобы проверить — просто развернулась и бросилась вызывать полицию.

— Если только... — Ли Цзяньчуань сверкнул серыми глазами, — она не знала об этом заранее. Вернее сказать, она была уверена, что живым его уже не застанет.

— Дальше — больше. Благодаря звонку Юри полиция прибыла мгновенно. И в рекордно короткие сроки у Раймонда нашли так называемое «орудие убийства», после чего его тут же арестовали как подозреваемого.

— И здесь поведение полиции заслуживает отдельного упоминания. Боб и наш Епископ слева

— вы оба вели себя так, будто ответ был заранее известен. Вы даже не пытались размышлять, сразу назначив Раймонда виновным. Не поверю, что Боб или судмедэксперты не заметили того, что обнаружил я при беглом осмотре.

— Раймонд же твердил мне, что не мог убить Джонса. Видите ли, у Лоса и Джонса был на него компромат. И если бы Раймонд решился на убийство, он не оставил бы Лоса в живых. Поэтому ответ здесь один: полиции было жизненно важно засадить прорицателя за решетку или, как минимум, изолировать его.

— Есть и еще одна деталь. Я просил прийти сюда тех, кто «получал помощь от Станции юридической помощи». Но Юри не пришла. Если бы она действительно хладнокровно убила отца ради наследства и заручилась поддержкой Станции, чтобы избежать наказания, она бы соответствовала этому описанию.

— Её здесь нет. И причина проста: Станция юридической помощи ей не помогала. Ни Боб, расследующий дело, ни Зак, обещавший поддержку, — никто из них на самом деле не помогал ей. Они её использовали.

Ли Цзяньчуань сделал паузу.

В отрыве от общего контекста смерть Джонса казалась бессмысленным и странным самоубийством. Но в рамках Суда Круглого стола у Ли появились весьма смелые догадки. Он признавал, что в этот раз проявил излишнюю поспешность. Будь у него больше времени, он бы докопался до каждой мелочи, но давление Епископа слева, Комона и других скрытых сил не позволяло медлить.

Интуиция буквально кричала ему, что оставаться здесь дольше опасно. Поэтому он решил поставить всё на кон и раскрыть эту тайну прямо сейчас.

— Это дело... Смерть Джонса видится мне следующим образом.

— Восемь лет назад Джонс стал казначеем Станции — по сути, главным по финансам. Полагаю, он был единственным в ядре организации, кто управлял денежными потоками. Деньги и власть — вещи грязные, и этот человек жил под невероятным давлением.

— Он получал огромные гонорары, но почти всё отдавал на благотворительность. Люди — существа противоречивые. Совершая подлости, они, в отличие от того же Андре, не всегда находят покой. Им нужно как-то утихомирить совесть. Джонс выбрал жертвования.

— Он раздавал деньги лишь для того, чтобы почувствовать себя «хорошим человеком». Он лучше Лоса или Зака понимал, что их «справедливость» — фальшивка. Это мучило его, но выхода не было. Он увязал в этом болоте всё глубже. Юри, будучи натурой эгоистичной и резкой, не понимала щедрости отца и не раз устраивала ему сцены.

— Джонс не мог ничего объяснить. Возможно, он сам хотел, чтобы дочь держалась от него подальше, лишь бы она не оказалась втянута в это дерьмо. Его мотивы вступления в организацию могли быть банальны — власть и деньги, но со временем всё изменилось. Думаю, переломным моментом стало появление у Юри нового ухажера. Соседи заметили, что она стала приходить к отцу чаще, и каждый визит заканчивался ссорой. Ей нужны были деньги — любовь и свадьба обходятся недешево.

— Юри требовала крупную сумму, но мистер Джонс либо не мог, либо не хотел ей их давать. Это стало последней каплей. Ему нужно было выговориться, найти хоть какую-то опору. Он увлекался психологией и философией, но мисс Наннали к тому времени уже оставила практику и уехала из Мейна. Ему некому было помочь. И тогда он вспомнил о Раймонде.

— Гадалки порой утешают лучше психологов. Они могут не верить в магию, но обязаны быть мастерами манипуляции и знатоками человеческих слабостей. Джонс пришел к Раймонду. Возможно, между ними состоялся долгий разговор, а может, гадалка просто профессионально запудрила ему мозги. Так или иначе, я уверен: в тот вечер Раймонд узнал об истинном лице Станции юридической помощи.

— Как я уже говорил, Раймонд не входит в ядро организации. Для Лоса он был просто инструментом. О многих делах Станции он и не подозревал. Джонс мог этого не знать или просто потерял бдительность в момент душевной слабости. И Раймонд увидел в этом шанс. Шанс использовать информацию, прибрать власть к рукам, занять чужое место.

— Если закон можно сломать и переписать под себя, то чем хуже теология? Если Лос — бог правосудия, то почему Раймонд не может стать следующим божеством?

Ли Цзяньчуань взглянул на Раймонда и усмехнулся:

— Ноги дрожат, мистер Раймонд? Мои догадки могут казаться зыбкими, но я ставлю на то, что попал в самую точку, верно? Вас вознесли слишком высоко, и ваши амбиции раздулись до небес, о величайший прорицатель города Мейн.

Взгляд Раймонда, до этого нарочито пустой, внезапно ожил. Он посмотрел на Ли Цзяньчуаня, и в его глазах за клубилась тьма, подобная грозovým тучам. Ли Цзяньчуань лишь насмешливо вскинул бровь. Он ничуть не удивился.

Еще когда Вакуумное время только наступило, он заметил, что эти персонажи не застыли, как обычные NPC. Они сохранили способность мыслить и двигаться. У них было собственное пространство воли — совсем как у игроков или Наблюдателей, которых он встречал раньше.

Он равнодушно оглядел присутствующих и небрежно бросил:

— Если называть вещи своими именами, смерть Джонса — это самоубийство. Но режиссером этого финала были вы, мистер Раймонд.

— Судя по вашему утреннему разговору с Юри, вы виделись не впервые. Полагаю, вы дали ей нужные «советы», направили её гнев, и она стала тем молотом, который раздробил последние крупницы стойкости её отца. Годы подавленности и страха довели его до грани. Вам осталось лишь подтолкнуть Юри, чтобы она заставила Джонса выбрать смерть.

— Люди — странные создания. Порой они стоят непоколебимо, когда рушится небо, а порой ломаются под тяжестью птичьего пера. Тот факт, что за восемь лет Джонс жертвовал на благотворительность всё больше и больше, лишь подтверждал его нарастающее отчаяние. Видимо, попытки купить искупление больше не помогли ему игнорировать правду.

— Джонс покончил с собой — странно, нервно, превратив смерть в подобие религиозного ритуала. Я не понимаю значения этого кровавого круга, но он доказывает одно: вы, Раймонд, имели над разумом несчастного огромную власть.

— А теперь перейдем к вашему плану. Доведение до самоубийства было лишь первым шагом. Затем вы заставили Юри вызвать полицию, чтобы весть мгновенно долетела до верхушки Станции. И одновременно с этим вы подбросили фальшивую улику в свои собственные покои.

— Цель была изящной: ловушка, в которую должны были попасть все. Одним выстрелом — двух зайцев. Лидеры Станции не глупы. Они сразу поняли бы, что это самоубийство. Но смерть произошла именно у вас. Они не знали, что вам известно, и решили не рисковать. Станция обязана была взять под контроль и вас, и Юри.

— Боб с радостью использовал липовые улики, чтобы упереть вас за решетку, а Зак взял Юри под свое «крыло». Именно на это вы и рассчитывали. По вашему замыслу, вас арестовывают по шитому белыми нитками делу. Слухи разлетаются мгновенно, и в нужный момент вскрывается правда. Весь город узнает, что вас оклеветали. И почему же полиция допустила такую «ошибку»? Разумеется, потому что она сама вас подставила.

— В итоге Боб, Зак и даже прокурор Лос теряют доверие общества. Тень падает на их безупречное «правосудие». Они могут пытаться всё замять, но искра сомнения уже брошена. Она будет разгораться, пока не превратится в пожар. А когда вы выйдете на свободу, будучи под пристальным вниманием публики, они не посмеют вас тронуть. Ваша репутация станет вашим щитом.

— У вас наверняка есть и дальнейший план. План того, как медленно подточить авторитет Станции юридической помощи и занять их место.

Ли Цзяньчуань поднял глаза, встречаясь взглядом с Раймондом.

— Возможно, вы считали свой план безупречным, но настоящий актер никогда не остается вне игры. Как только я появился на месте преступления, вы тут же бросились ко мне за помощью. Вы намеренно упомянули о некоей «тайной связи» между нами. Со стороны это выглядело как попытка оправдаться, но на деле, после нашего разговора наедине, лицо Боба изменилось.

— Он лишь укрепился в желании задержать вас. Вы дали ему понять: вы владеете тайной, вы — бомба замедленного действия. В то же время, в нашем разговоре вы намеренно «проговорились», что знаете, где оружие. Если вы не убийца, откуда вам это знать? Именно так я и подумал в тот момент.

— Вы заставили меня переключиться с мысли «он не мог убить, но ведет себя странно» на мысль «он ведет себя странно, потому что он свидетель, который боится говорить». Вы убили Джонса чужими руками, заставили полицию обвинить вас, а затем планировали триумфально оправдаться. После такого с вас бы смыли все подозрения. Вы не только ударили по репутации верхушки города, но и создали себе идеальное алиби, представ в глазах людей невинной жертвой. Хотя на самом деле именно вы — истинный убийца.

Ли Цзяньчуань насмешливо вскинул бровь и опустил взгляд:

— Таковы мои соображения по этому делу. Улик мало, догадок много, но боюсь, вы знаете не больше моего.

Фиолетовые волосы Раймонда слегка качнулись. На его губах заиграла злобная усмешка, окончательно сорвав маску благородства.

Голос его стал ледяным, в нем зазвучали вкрадчивые, болезненные интонации:

— Не знаю, кто ты под этой личиной, но ты точно не Лос. Этот самовлюбленный павлин никогда не снизошел бы до такого ничтожества, как я. Какую бы славу я ни стяжал, для него я всегда оставался муравьем у его ног, которого можно раздавить мимоходом. Но на востоке говорят: «Даже множество муравьев может загрызть слона». Золотые слова.

Ли Цзяньчуань был несколько удивлен такой откровенности:

— Значит, не отрицаете?

Раймонд пожал плечами:

— Какой смысл отрицать? Вакуумное время всё равно запишет твои слова, проанализирует их и признает правоту. Я не собираюсь уподобляться той упрямой старухе и тратить силы на бессмысленные споры.

Он окончательно отбросил фальшивую вежливость. Теперь перед Ли предстал истинный Раймонд — холодный, гордый и беспощадный. Тот, кто активировал магический ящик.

— Прекрасно, — отозвался Ли Цзяньчуань. — В таком случае, мистер Раймонд, не соизволите ли поведать историю того, как вы активировали этот магический ящик? И кстати... кажется, я догадываюсь, где спрятана Пандора.

<http://bllate.org/book/15871/1572211>